

тянулись имъ на встрѣчу медлительно и тяжело. Иногда въ сторонѣ пестрѣло стадо. Гдѣ-то въ отдаленіи протянули журавли... Колеса однообразно гремяли и лошаденки трусили лѣнливой рысцою.

Наконецъ, онѣ пошли шагомъ. Мокѣй закурилъ трубочку и окончательно оборотился къ Ильѣ Петровичу.

— Чтожь прїѣдешь къ намъ на лѣто?—спросилъ онъ.

— Врядъ ли,—съ уныніемъ отозвался Тутолминъ.

— О? А-то прїѣзжалъ бы. У насъ, братъ, хорошо.

Тутолминъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Мокѣй усиленно пощѣлъ трубочкой, выколотилъ изъ нея пепелъ, и снова задергалъ возжонками. «Эй вы, уморительные!» закричалъ онъ пискливымъ голоскомъ. Илья Петровичъ усмѣхнулся. «Вѣдь ишь онъ, какъ его... ишь, какъ выдумалъ!» — подумалъ онъ съ удовольствіемъ и, вынувъ изъ мѣшка памятную книжку, записалъ Мокѣево восклицаніе. Потомъ въ задумчивости сталъ перелистывать книжку... Немного въ ней было угѣшительнаго. Общинный укладъ расплзался. Всевозможные устои подтачивались неотступно. Новые взгляды нарождались съ стремительной неукоснительностью. Старина видимо издыхала... и грустно ему сдѣлалось.

Вдругъ Мокѣй съ живостью обратился къ нему.

— А я вѣдь еще пѣсню подслушалъ, — промолвилъ онъ улыбаясь.

— Какую?

— Да ужъ пѣсня! Всѣмъ пѣснямъ пѣсня. Дѣвки отъ табашника переняли.

— Ну, говори, говори.

— Говорить-то говорить... — Мокѣй почесалъ за ухомъ, — только ты ужъ, Петровичъ, безъ обиды... Больно хороша пѣсня!

Тутолминъ въ изумленіи посмотрѣлъ на него.

— А я развѣ тебя обижалъ?—спросилъ онъ.

— Ну, какъ можно обижать,—съ предупредительностью возразилъ Мокѣй, и добавилъ вкрадчиво: — а все-таки маловато.

— Да чего маловато-то?

— А, на счетъ пѣсенъ... Это ужъ ты какъ хочешь, а оно, братъ, тово... Тоже ее запомни всякую... Ее, братъ, тоже не всякій запомнеть.

— Ну, сколько же тебѣ?

— Да что ужъ... Все бы, глядишь, четвертачекъ надо... — и онъ нерѣшительно взглянулъ на Тутолмина.